

темир упоминается не один раз и, несмотря на критику, почтительно цитируется — при личных отношениях Тредиаковского и Кантемира с его окружением, состоявшим из высокопоставленных аристократов, много и быть не могло.⁷³ Имена же других русских поэтов напрасно было бы искать в «Способе». Многочисленные авторы, названные в программной «Эпистоле <...> к Аполлину», — сплошь иностранцы. Образцовым автором переложения псалмов назван Ж. -Б. Руссо, а не Симеон Полоцкий, о котором, как, впрочем, и об эпохе русского барокко в целом, Тредиаковский вообще не упоминает. В стихотворении автор просит Аполлона посетить наконец и Россию, которой он до сих пор в угоду другим странам пренебрегал. Тредиаковский недооценивает литературно-историческое прошлое своей страны (ср. распространенное в его время представление, что Петр I своими реформами обратил Россию из «небытия в бытие»).⁷⁴ Позднее, в 1755 г., Тредиаковский в очерке об истории русской поэзии подробно опишет предклассицистическую эпоху. С почтением он отзовется тогда о Симеоне Полоцком и его переложении псалмов.⁷⁵ Правда, он и тогда будет настаивать на прозаическом характере силлабического стиха. Однако теперь для него это лишь вопрос формы — отныне поэтическая субстанция им не затрагивается.⁷⁶ Механически отделяя форму от содержания, он, наконец, приходит к положительной оценке силлабической поэзии. В эпистоле «Способа» иначе: здесь складывается впечатление, будто в России литература была *tabula rasa* (ср. более позднюю эпистолу Сумарокова «О стихотворстве»).⁷⁷

Такое представление отчетливо прослеживается еще до «Способа». В 1734 г. Тредиаковский опубликовал упоминавшиеся уже похвальные стихи барону Корфу, где он впервые использует новый стих. В качестве лирического субъекта там фигурирует «Российска муза, всем млада и нова» как лирический субъект (в немецком параллельном переводе она все еще «*schwach und neu*» (слаба и нова)).⁷⁸ Это не просто риторическая фигура уничижения: Тредиаковский и здесь выступает последователем петровской культурной революции и переносит традиционный топос отрицания на историю

⁷³ Успенский Б. В., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты. С. 134—143.

⁷⁴ Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 35, 36; примеч., с. 65, 68. Эта формула употребляется впервые в речи канцлера Головкина по поводу Ништадтского мира 1721 г. и потом часто повторяется: она восходит к молебну православной литургии. Ср.: Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра (в печати).

⁷⁵ Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 436.

⁷⁶ Соответствующую теорию можно найти в его статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще», опубликованной тремя годами ранее — в 1752 г. (см.: Тредиаковский В. К. Стихотворения. С. 404). В ней Тредиаковский следует традиции Аристотеля: существо поэзии заключается не в стиховой форме, а в содержании, т. е. отражении действительности (мимесис). Ср., например, «*Critische Dichtkunst*» Готтшеда: «*Die Verse machen das Wesen der Poesie nicht aus...*» (Gottsched J. Chr. Versuch einer Critischen Dichtkunst. S. 93).

⁷⁷ Klein J. Sumarokov und Boileau. S. 264—269.

⁷⁸ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. С. 27.